

КРИТИКА.

Сочиненія Александра Пушкина. *Томы IX, X и XI. С. Петербургъ. 1841. IX (IV. 480 стран.), X. (380), XI (353 стран.). Издвеніемъ Ильи Глазунова, Матвѣя Заикина и К^о. Въ Типографіи Глазунова и К^о.*

Три послѣдніе тома Сочиненій Пушкина наконецъ явились въ свѣтъ. Кто, любя искренно Русскую Поэзію, не бросится на нихъ со всею жадностію раздраженнаго ожиданія? Это вѣдь послѣднее, что намъ и всей Россіи осталось отъ нашего незабвеннаго художника, котораго мы такъ рановременно, такъ ужасно потеряли.

Читая ихъ, мы какъ будто вступаемъ въ богатую, въ разнообразную мастерскую ваятеля, который, въ самомъ разгарѣ своей художественной дѣятельности, быдъ застигнутъ смертію и насильственно покинулъ рѣзецъ неутомимый. Его уже нѣтъ, но духъ его и рука невидимо присутствуютъ повсюду. Тамъ изъ дикой груды чуднаго мрамора начинаютъ выходить стройныя группы; великія мысли въ нихъ разоблачаются, но смерть внезапно скывываетъ движеніе массы; здѣсь нѣсколько разнообразныхъ эскизовъ набросано торопливою рукою увѣреннаго въ силахъ своихъ художника; тамъ, надъ туловищемъ нетронутаго мрамора, поднялась прелесть-голова, и ниже мраморъ начиналъ уже волноваться, и грудь начинала дышать подъ наитіемъ вдохновеннаго рѣзца, и все прервано нежданымъ холодомъ смерти; кой-гдѣ профили, части тѣла, счастливые удары руки, намѣкавшія что-то; и все или

недовершено, или недокончено! Вы не можете довольно полюбоваться чудными формами; вы удивляетесь той власти, съ какою художникъ, въ полной порѣ развитія, покорялъ упорный мраморъ волшебному рѣзцу своему; глубокія думы осаждаютъ васъ при видѣ сихъ неконченныхъ произведеній — и вы, насладившись тѣмъ, что въ нихъ довершено, хотите смѣлою мыслию отгадать, что бы еще было?... Куда бы понеслась далѣе фантазія художника? Всюду, съ полнымъ наслажденіемъ изящнаго, сливается тяжелое чувство грусти о томъ, сколько утратъ понесено искусствомъ! сколько надеждъ мы лишились!— А когда вспомнишь, что этотъ художникъ былъ первый поэтъ Русскій, гениально отгадавшій тайну нашей народной Поэзіи; что его мастерская была наша Русская жизнь, въ которой онъ наиболѣе черпалъ свои вдохновенія; что этотъ чудный мраморъ, покорявшійся мѣткой рукъ его, былъ наше Русское слово, котораго поэтическую тайну онъ постигъ и унесъ съ собою.... О! тогда чувство грусти одолеваетъ насъ сильнѣе, чѣмъ всѣ прочія, и четырехъ-лѣтняя рана незамѣненной утраты оживаетъ въ насъ еще съ большею силою, чѣмъ когда нибудь.

Вотъ первое впечатлѣніе, которое произвели на насъ послѣдніе три тома Сочиненій Пушкина и которое вмѣстѣ съ нами конечно раздѣляютъ всѣ любители Поэзіи и славы нашего отечества.

Да, чѣмъ болѣе изучаемъ мы произведенія Пушкина, особенно послѣднія, чѣмъ болѣе вглядываемся во все окружающее насъ въ современной Русской литературѣ,— тѣмъ болѣе чувствуемъ, что потеря наша незамѣнима. Но успокоивъ чувство грусти, посвятимъ самое глубокое вниманіе изученію послѣднихъ плодовъ его творческой дѣятельности; постараемся вникнуть въ то направленіе, какое принялъ Поэтъ въ послѣдніе годы своей жизни; постараемся здѣсь опредѣлить его характеръ, ибо здѣсь, какъ видно по всему, онъ былъ въ самой могучей порѣ своего развитія, — и осмѣлимся хотя слегка приподнять

завѣсу будущаго, которую навсегда закрыла отъ насъ неумолимая рука смерти.

Еще за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, Поэтъ, первый мастеръ Русскаго стиха, побѣдительно усвоилъ себѣ и Русскую прозу, и равно искусно владѣлъ обѣими формами отечественной рѣчи, умѣя, какъ никто другой въ литературѣ нашей, полагать самыя строгія границы между Русскими стихами и Русскою прозою.

Но этѣ двѣ формы, рѣзко отличенныя другъ отъ друга, никогда имъ не сливаемые, какъ мы докажемъ послѣ, и всегда поддерживаемыя въ равной степени ихъ относительнаго достоинства, не безъ особеннаго значенія являются подѣ перомъ Пушкина въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Онѣ служатъ выраженіемъ для двухъ главныхъ направленій, которыя въ послѣднее время принялъ духъ его. Стихами изображалъ онъ тотъ міръ идеально прекрасный, гдѣ было первоначальное назначеніе Пушкина и гдѣ воспиталась его вдохновенная Муза; прозу предоставлялъ для того міра живой дѣйствительности, съ которою опытъ собственной жизни познакомилъ его гораздо позднѣе, — и это знакомство не было избрано гениемъ Пушкина по собственному сознанію, а скорѣе вызвано было потребностію вѣка.

Изъ трехъ томовъ, теперѣ вышедшихъ, девятый содержитъ стихи Пушкина и представляетъ плоды его перваго направленія; томъ десятый заключаетъ въ себѣ прозу и относится ко второму; наконецъ томъ одиннадцатый, по формѣ своей принадлежа также къ прозѣ, представляетъ драгоценныя матеріалы для его біографіи, знакомить съ образомъ его мыслей о нѣкоторыхъ частяхъ Русской жизни, о литературѣ, объ обществѣ и проч. Мы въ своемъ разборѣ пройдемъ всѣ три тома по порядку.

Первый, заключающій въ себѣ стихи, тѣмъ особенно для насъ любопытенъ, что въ немъ соединены и конецъ и начало всей поэтической дѣятельности Пушкина. За стихотвореніями, которыя писаны въ послѣдніе годы его

жизни и представляют высшій цвѣтъ стихотворнаго стиля, слѣдуютъ его стихи Лицейскіе — любопытные особенно для исторіи его развитія. Здѣсь сходятся такимъ образомъ младенчество поэта съ его полнымъ мужествомъ, — и любопытно видѣть, какъ все то, что пророчилъ о себѣ уже могучій младенецъ, совершилъ вполне развитый мужъ, во всемъ цвѣтѣ силъ своихъ похищенный у насъ смертію.

Читая стихотворенія послѣднихъ годовъ его жизни, не лзя не удивляться тому, до какой степени совершенства довелъ Пушкинъ отдѣлку формъ Русскаго стиха. Нѣчего сказать, что Русскій языкъ и твердостью, и упругостью своей, и красотою, похожъ на Каррарскій мраморъ лучшаго сорта; но у Пушкина онъ становится такъ ёмокъ и покорень, какъ никогда еще не былъ.

Стихъ — эта коренная и законная форма Поэзіи — соединяетъ въ себѣ, какъ извѣстно, два элемента: музыкальный и пластическій — звукъ и слово. Тогда только онъ достигаетъ полноты своего совершенства, когда обѣ стихіи равномѣрно въ немъ сливаются и ни одна не уступаетъ другой своего преимущества. До Пушкина, Русскій стихъ прошелъ черезъ двѣ школы. Первая была Державинская; она имѣла характеръ чисто пластическій, мало заботилась о звукѣ и обращала все вниманіе на образъ; рима была у нея въ пренебреженіи; стихъ всегда тяжелъ и нагруженъ: конечно, ни одинъ изъ нашихъ славныхъ поэтовъ не можетъ представить такихъ обильныхъ примѣровъ стихотворной какофоніи, какъ первый мастеръ этой школы, самъ Державинъ. Въ слѣдъ за пластическою школою образовалась у насъ школа музыкальная: основатели ея — Жуковскій и Батюшковъ. Она обратила все вниманіе на звуки стиха — на ихъ стройное, гармоническое, безостановочное теченіе. Вы помните тѣ времена, когда у насъ толковали *легкой Поэзіи*, и Батюшковъ посвятилъ этому предмету академическое разсужденіе: легкая Поэзія — мечта новой му-

зыкальной школы — по словам Батюшкова, чистая, стройная, гибкая, плавная, была ничто иное, какъ Поэзія благозвучная, которая сладко нѣжила ухо новыми свободными звуками, до тѣхъ поръ неизвѣстными въ языкѣ Русскомъ. Взгляните на риѣму этой школы: какая строгая окончанность до послѣдняго звука! Мы не даромъ приглашаемъ *глядѣть* на нее: она въ самомъ дѣлѣ существуетъ не для одного слуха, но и для глаза. Она не пользуется даже счастливымъ свойствомъ нашего языка, который, по сходству звука, дозволяетъ риѣмовать буквамъ *о* и *а* въ словахъ женскаго окончанія. Но музыкальная школа считала это за ошѣбку противъ вѣрности звука. Она создала гармонію нашего стиха, послѣ того, какъ Карамзинъ создалъ гармонію нашей прозы. Введеніемъ всевозможныхъ размѣровъ она развила музыкальный элементъ Поэзіи отечественной въ разнообразѣишихъ видахъ. Но поэзія образовъ много была забыта въ этой школѣ и уступала Поэзіи звуковъ.

Изъ этой-то школы вышелъ Пушкинъ. Отъ нея, по закону преданія и наслѣдія, существующему во всякомъ человѣческомъ развитіи, принялъ онъ стихъ окончанный звукомъ, стройный, гармоническій. Но для Пушкина было этого мало. Ученикъ того поколѣнія, которое непосредственно ему предшествовало, Пушкинъ изучалъ и Державина, какъ видимъ мы во многихъ его Лицейскихъ стихотвореніяхъ, тѣмъ особенно важныхъ, что они открываютъ намъ тайну первоначальнаго его развитія. Гений Пушкина имѣлъ особенное сочувствіе съ пластическимъ элементомъ Поэзіи Державина. Онъ совмѣстилъ въ стихъ своемъ образъ Державинскій съ звукомъ Жуковскаго и Батюшкова — и тѣмъ совершилъ изящную форму Русскаго стиха, который, въ отношеніи къ образу, достигъ у него до прозрачности алебаstra восточнаго, воздѣланнаго рѣзцомъ Фидеевымъ, въ отношеніи къ звуку до чистой мелодіи Русской, звучащей въ оперѣ великаго Россини. Для того, чтобы со-

вершить этотъ подвигъ, мало еще было изучать объ школы, въ коихъ заключались отдѣльно элементы стиха Русскаго: для того потребны были Русской глазъ и Русское ухо, которыми Пушкинъ одаренъ былъ въ высшей степени. Подъ именемъ Русскаго глаза мы разумѣемъ тотъ вѣрный глазъ, который подмѣчаетъ точно и подробно всѣ образы внѣшняго міра: онъ имѣетъ много сходства съ глазомъ Италіянскимъ. Подъ именемъ Русскаго уха мы разумѣемъ то особенное сочувствіе къ гармоніи звуковъ языка отечественнаго, которое всегда бываетъ у поэта, вполне надѣленнаго природою. Надобно было послушать, какъ читалъ Пушкинъ Русскія пѣсни и свои стихи, чтобы вполне убѣдиться въ томъ, что широкій органъ его голоса былъ совершенно устроенъ по широкому звуку Русскаго языка.

Въ Италіи есть поговорка объ Рафаэлѣ, что онъ унесъ съ собою въ могилу тайну своихъ красокъ. У насъ можно тоже сказать о Пушкинѣ, что онъ взялъ съ собою тайну своего стиха. Странно, что почти все новое поколѣніе нашихъ стихотворцевъ, т. е. выступившее на сцену по смерти Пушкина, питая похвальное неограниченное благоговѣніе къ великому художнику Русскаго слова, весьма мало слѣдуетъ преданіямъ формы, какія оставилъ нашъ славный мастеръ, и нисколько не стремится къ тому, чтобы сохранить его краски. Въ этомъ отношеніи, дамамъ слѣдуетъ отдать преимущество. Мы могли бы представить одно только исключеніе изъ этого общаго замѣчанія; но и тотъ свѣжій талантъ, который за все поколѣніе свое одинъ какъ будто отгадывалъ тайну Пушкинскаго стиха, увы! — принадлежитъ къ утратамъ, какія намъ непрерывно суждено оплакивать въ литературѣ нашей.

Есть общее, простонародное мнѣніе у насъ, что со времени Пушкина Русской стихъ сдѣлался легкокъ и доступенъ для всѣхъ безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, кто теперь не пишетъ легкиихъ стиховъ? И кушцы, и крестьяне

и дѣти. Хотя эта доступность имѣла свою невыгоду въ томъ, что породила многихъ плохихъ стихотворцевъ; но не менѣе того заслуга народнаго художника была велика. Пушкинъ, подаривъ стихотворное искусство своему народу во всеобщее, безправное владѣніе, тѣмъ много содѣйствовалъ эстетическому образованію и народа своего и языка. У насъ, въ малой мѣрѣ совершилось тоже самое явленіе, какое давно уже существуетъ на родинѣ Европейскаго искусства, въ Италіи, гдѣ правильныя внѣшнія формы Поэзіи составляютъ собственность всей націи, гдѣ сонетомъ можетъ владѣть почти каждый.

Да, Пушкинъ снялъ привилегію съ Русскаго стиха, пустилъ его въ народъ, но тѣмъ создалъ новую, не для многихъ доступную трудность: ибо тогда красота искусства достигается тяжелѣ, когда общія его формы облегчены для всѣхъ. Вотъ лучшее возраженіе тѣмъ, которые несправедливо обвиняли Пушкина въ томъ, что онъ, облегчивъ для всѣхъ Русскіе стихи, тѣмъ будто бы самъ способствовалъ къ упадку Русской Поэзіи. Да изучите внимательно стихъ самаго Пушкина: какъ онъ безконечно высоко звучитъ надъ всѣми тѣми безчисленными стихами, которые самъ же онъ породилъ въ литературѣ нашей! Какую солнечною яркостію блещетъ онъ передъ всѣмъ тѣмъ, что отъ него же, какъ мириады звѣздъ, получило свѣтъ свой!—Механизмъ Русскаго стиха разгаданъ для всѣхъ, но высшая тайна искусства осталась за Пушкинымъ.

Если дагерротипъ сдѣлалъ портретное искусство всенароднымъ, то это нисколько не уменьшило достоинства потртовъ кисти Рафаэлевой. Во всякомъ искусствѣ изящномъ присутствуетъ свобода творческаго духа, подъ которую не поддѣляется никакой самой хитрый механизмъ: она-то составляетъ собственность и тайну генія, которыхъ никакая сила отнять у него не можетъ.

Стихотворная Поэзія Русская со времени Пушкина находится въ періодѣ всеобщаго владѣнія: она теперь

въ рукахъ у всѣхъ. За то хорошіе стихи, достойные самого великаго мастера, раздаются какъ не лъзя рѣже. Лучшіе таланты наши воздѣлываютъ прозу. Такой періодъ бываетъ въ Поэзіи всякаго народа неизбѣжнымъ слѣдствіемъ полного устроенія и обобщенія художественныхъ формъ. Но за нимъ долженъ послѣдовать другой, когда тайна Пушкинскаго стиха, теперь на время забытая, снова откроется и сдѣлается собственностію немногихъ.

Если бы мы захотѣли характеризовать все развитіе Пушкинскаго стиха по періодамъ его стила, то мы пришли бы, какъ намъ кажется, къ слѣдующему заключенію. Пушкинъ вышелъ сначала изъ школы музыкальной—и потому въ стихъ его первыхъ произведеній звукъ преобладалъ надъ образомъ; но чѣмъ болѣе развивался поэтъ, тѣмъ болѣе стройный звукъ его стиха превращался въ образъ, не теряя своей звучащей природы.... Подъ конецъ Поэзія Пушкина, въ отношеніи къ внѣшнимъ формамъ, представляетъ намъ самую полную гармонію Русскаго языка, которая постепеннымъ превращеніемъ получила видъ чудной звучащей картины: тутъ звукъ его стиха, продолжая звучать, нарисовался и покрылся самыми яркими красками: такимъ является онъ особенно въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ, къ которымъ мы теперь переходимъ.

Нѣсколько эскизованныхъ и начатыхъ произведеній теперь передъ нами. Болѣе другихъ довершенъ до конца *Мѣднѣй Всадникъ*. Вглядываясь во все это, мы сами собою отгадываемъ, какъ бурная внѣшняя жизнь отвлекала художника отъ постоянныхъ занятій любимымъ его искусствомъ; какъ она, вторгаясь въ святилище души его, мѣшала ему вполне развивать и доканчивать то, что въ ней такъ чудно, такъ творчески зачиналось. — Правда что эскизованье, недостатокъ полного развитія въ отношеніи къ подробностямъ и къ цѣлому, входитъ, какъ общая черта, въ характеристику Пушкина-художника. Всегда, до чудной, крайней окончанности совершенный

въ отдѣлкѣ внѣшней формы, Пушкинъ не довелъ ни одного изъ большихъ значительныхъ своихъ произведеній до всей полноты развитія въ цѣломъ, до какой способенъ былъ достигнуть его гений. Въ этомъ отношеніи мы особенно укажемъ на его *Полтаву* и *Бориса Годунова*. *Евгеній Онегинъ*, самое высшее произведеніе Пушкина, всѣхъ болѣе отразившее въ себѣ жизнь ему современную, эта Одиссея нашего времени, служить самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія нашего, потому что въ самомъ зародышѣ этого произведенія главнымъ условіемъ былъ недостатокъ полноты въ цѣломъ. *Капитанская дочка*, напротивъ, всего болѣе противорѣчитъ сказанному нами: это произведеніе лучше другихъ онъ выносилъ — и въ немъ можно было видѣть переходъ къ какому-то еще новому, дальнѣйшему развитію Пушкина, если бы жестокая судьба Русской Поэзіи не присудила иначе.

Причины этому недостатку полноты развитія въ художественныхъ произведеніяхъ Поэта заключаются во многомъ: и въ исторіи Поэзіи Русской, и въ характерѣ всего нашего образованія, (ибо поэтъ зрѣетъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ), — и въ отношеніяхъ, какія существуютъ у насъ между искусствомъ и жизнію, и можетъ быть въ стремительномъ, неустойчивомъ духѣ самого художника, который только порывами предавался искусству, слишкомъ много зависѣлъ отъ впечатлѣній внѣшней жизни и не могъ спокойно выносить въ себѣ ни одного произведенія. Но тѣ вдохновенія, которыя посѣщали его въ Псковскомъ его уединеніи, были полнѣе и развитѣе, нежели тѣ, которыя онъ урывками похищалъ у бурной жизни сѣвера.

Въ *Мѣдномъ Всадникѣ* чуда Русскаго стиха достигли высшей степени. — На первомъ планѣ вы видите здѣсь мастерски набросанную картину Петербургскаго наводненія; далѣе, на второмъ планѣ, съумасшествіе молодого *Евгенія* и эту чудную картину Великаго бронзоваго всад-

ника, который съ грохотомъ скачетъ неотступно за безумнымъ. Какимъ чуткимъ ухомъ Пушкинъ подслушалъ этотъ мѣдный топотъ въ разстроенномъ воображеніи юноши! Какъ умѣлъ онъ тотчасъ найти поэтическую сторону въ разсказѣ событія, къ-то ему сообщенномъ!— Если взглянуть слегка, поверхностно, то повидимому между наводненіемъ столицы и безуміемъ героя нѣтъ никакой внутренней связи, а есть только одна наружная, основанная на томъ, что влюбленный юноша въ волнахъ потопа теряетъ свою любезную и все счастье своей жизни. Но если взглянуть мыслящимъ взоромъ внутрь самого произведенія, то найдешь связь глубже: есть соотвѣтствіе между хаосомъ природы, который видите вы въ потопѣ столицы, и между хаосомъ ума, пораженного утратою. Здѣсь, по нашему мнѣнію, главная мысль, зерно и единство художественнаго созданія; но мы не можемъ не прибавить, что этотъ превосходный мотивъ, достойный гениальности Пушкина, не былъ развитъ до конечной полноты и потерялся въ какой-то неопредѣленности эскизованнаго, но мастерскаго исполненія.

За *Мѣднымъ Всадникомъ* слѣдуютъ: *Каменный гость* драматическій эскизъ, и *Русалка*, начало народной драмы. Пушкинъ, еще въ 1826 году, послѣ достопамятнаго своего возвращенія, имѣлъ уже мысль написать этѣ два произведенія и говорилъ о томъ. Еще былъ у него проектъ драмы: *Ромуль и Ремъ*, въ которой однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ намѣревался онъ вывести волчицу кормилицу двухъ близнецовъ.

Замѣчательно, что давнишній замыселъ Пушкина о *Каменномъ гостѣ* явился въ краткихъ, рѣзкихъ, сильныхъ очеркахъ. Въ обѣихъ драмахъ, но особенно въ этой, замѣтно весьма пристальное изученіе Шекспира, которому Пушкинъ, какъ видно и по его поэмѣ *Анджело*, и по отрывкамъ въ смѣси, предавался особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Въ XI-мъ томѣ (на стран. 168) нахо-

димъ мы глубокія его замѣчанія о характерахъ Шекспира въ сравненіи съ характерами Мольеровыми.

Въ Каменномъ гостѣ лицо Лауры чудно создано: она своею дерзостью, рѣшительностію и лаконизмомъ словъ напоминаетъ нѣсколько подобныхъ лица Шекспира; но она возвышена, въ ней болѣе идеальной Поэзії и особенно замѣчательно это увлеченіе, эта непогасшая страсть къ Донъ-Жуану, придающая какое-то благородство униженному лицу ея. Послѣдняя черта отгадана въ сердцѣ Испанки, дѣвы юга.

Сцены Донъ-Жуана съ Донной Анной напоминаютъ много сцену въ Ричардѣ III между Глостеромъ (Ричардомъ III) и Леди Анной, вдовой Эдуарда Принца Валлійскаго, даже до подробности кинжала, который Донъ-Жуанъ, какъ и Глостерь, употребляетъ хитрымъ средствомъ для довершенія побѣды. Положеніе совершенно одно и тоже: не мудрено, что Пушкинъ, и безъ подражанія, безъ подущенія памяти, сошелся нечаянно въ нѣкоторыхъ чертахъ съ первымъ драматическимъ гениемъ міра.

Но вообще манера вести свои сцены, приемы драматическаго разговора, его извивы и внезапности, показываютъ явно, что Пушкинъ въ послѣднее время много изучалъ Шекспира. Онъ изучалъ его, какъ всѣ великіе драматики, какъ Гёте и Шиллеръ изучали его же, какъ всѣ славные живописцы XVI и XVII вѣка изучали Микель Анджело.—Въ этомъ отношеніи я укажу еще въ Русалкѣ на монологъ Князя при видѣ съумасшедшаго старика. Этѣ размышленія о безуміи, вложенныя тутъ кстати, напоминаютъ замашку совершенно Шекспировскую. Мы приведемъ все мѣсто:

И этому все я виною! страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
Съ нимъ cadaго. Но человекъ, лишенный
Ума, становится не человекомъ.

Напрасно рѣчь ему дана — не править
 Словами онъ; въ немъ брата своего
 Звѣрь узнаеть; онъ людямъ въ посмѣянье;
 Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить....

Чудное сочувствіе Пушкинъ имѣлъ со всѣми геніями Поэзіи всемірной—и такъ легко было ему усвоивать себѣ и претворять въ чистое бытіе Русское, ихъ изящныя свойства! Это въ Пушкинѣ черта національная: какъ же было ему не отражать въ себѣ характера своего народа?

Возвращаясь къ *Донъ-Жуану*, мы не можемъ пропустить безъ вниманія заключительной сцены. Какъ тотчасъ, послѣ преступнаго поцѣлуя, поразительна внезапность появленія статуи! Какъ глубоко значительна эта быстрая смѣна преступленія наказаніемъ! Здѣсь самая скорость эскиза помогла художнику. Эта сцена совершенно убеждаетъ насъ въ томъ, что Пушкинъ глубоко понималъ тѣсную, неразрывную связь изящнаго съ нравственнымъ, особенно въ Поэзіи воли человѣческой, въ драмѣ. Какъ многосмысленно разрѣшается въ этѣхъ двухъ стихахъ вся разгульная жизнь разврата!

СТАТУЯ.

Дай руку.

Донъ Жуанъ.

Вотъ она.... о, тяжело

Пожатъе каменной его десницы!

Но чего лишились мы въ неоконченной *Русалкѣ*, которая обѣщала быть однимъ изъ первыхъ, однимъ изъ самыхъ народныхъ произведеній Пушкина! *Русалка*, извѣстная опера, сдѣлалась у насъ преданіемъ національнымъ: мудро ли, что Пушкинъ увлекся имъ? Если бы онъ докончилъ это произведеніе,—мы имѣли бы чудную народную драму въ родѣ фантастическихъ драмъ Шекспира. Здѣсь-то надобно удивляться тому, какъ поэтъ умѣлъ самый простой и грубый матеріалъ возвышать до красоты идеальной. Эта обольщенная дѣвушка, которая топт—

ся съ отчаянія и превращается въ мстительную волшебницу, совершенно въ нравахъ преданій Русскихъ; этотъ Мельникъ-воронъ — какая чудная фантазія! Сколько граціи въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ хорахъ Русалокъ!

Глубокое чувство тоски положено въ основу драмы: этотъ червь унынія есть плодъ преступленія, плодъ нарушенія клятвы, которое такою разительною катастрофой открываетъ драму. Здѣсь былъ сильный, значительный зародышъ; здѣсь-то, сколько смѣемъ отгадывать по неконченному, покоилась драматическая идея произведенія, имѣющая такое же глубокое нравственное значеніе, какъ и идея Каменнаго Гостя. Какъ бы далѣе разыгралась фантазія художника! Всѣ превращенія Русалки предлагали столько прекрасныхъ мотивовъ для его волшебной кисти. А на какой чудной сценѣ онъ остановился! Свиданіе Князя съ Русалочкой, его дочерью, ему еще незнакомой, какой граціозный мотивъ для Поэта драматика! И этого даже завистливая судьба насъ лишила!... Съ тяжкимъ чувствомъ останавливаемся на послѣднихъ стихахъ:

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?...

Грустное раздумье беретъ насъ: что бы это было? —

Объ драмы представляютъ совершенство драматической формы разговора въ стихахъ. Вотъ что должны бы изучать наши переводчики Шекспира, если желаютъ передать намъ въ стихахъ произведенія драматика Англій, достойно искусства и достойно языка Русскаго.

Галубъ, если бъ былъ оконченъ, вѣрностью задуманнаго на мѣстѣ характера, сталъ бы выше Кавказскаго Пльшника, въ которомъ, на чудномъ Кавказскомъ ландшафтѣ, мы видимъ тѣни Байроновскихъ героевъ. Стихи *Галуба*, *Кромпшника*, начала *Поэмы* достигаютъ такой степени совершенства въ отдѣлкѣ, что въ нихъ не знаешь чему болѣе удивляться: Пушкину ли, или Русскому

языку? Это рѣзецъ Кановы или Генерани, покорившій себѣ до конца всю звонкую твердость нашего мрамора. Мы желали бы расположить характеристику Пушкинскаго стиха по эпохамъ стиля, какъ располагають стиль Рафаэля или Гвидо Рени. Это необходимо сдѣлать со временемъ. — Но для того мы должны обратиться къ Господамъ издателямъ сочиненій Пушкина. Мы не можемъ не посѣтовать на нихъ за то, что они во 1-хъ, многое напечатали съ явными ошибками; во 2-хъ, перемѣшали сочиненія разныхъ годовъ и вмѣстѣ съ послѣдними, блистающими всею роскошью зрѣлаго стиля, поставили рядомъ первыя произведенія юности, носящія на себѣ печать его первой манеры, — и въ 3-хъ, не потрудились приложить списка съ означеніемъ годовъ, къ какимъ относятся произведенія. Этотъ послѣдній недостатокъ рѣзко замѣчается и въ восьми томахъ: мы именемъ науки и любовью къ Словесности Русской заклинаемъ издателей къ послѣднему 12-му тому приложить необходимый списокъ, безъ котораго не можетъ обойтись Исторія Русской Поэзіи. *

- Относительно несправности текста мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность представить нѣсколько замѣчаній и даже догадочныхъ исправленій.

Т. 9. стран. 4? напечатано:

И сторожа кричать протяжно: *ясно!*...

Вѣроятно должно читать:

И сторожа кричать протяжно, ясно!

Стран. 173 напечатано:

И свитки въ мраморныхъ рукахъ.

Одинъ 4-хъ стопный стихъ въ ряду пятистопныхъ.

Стран. 175 напечатано по 2-мъ Подражаніи Данту:

Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей злой.

Вѣроятно должно читать:

Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей грѣшникъ злой.

Невозможно, чтобы Пушкинъ, среди шестистопныхъ сряду стиховъ, вдругъ поставилъ такой неблагозвучный пятистопный.

Стран. 236 напечатано въ Лицейской годовщинѣ:

Сталь *гуще* звонъ его заздравныхъ чашъ.

Вѣроятно должно читать:

Въ *Мелкихъ Стихотвореніяхъ* сколько драгоценнаго! Мы скажемъ слово объ нѣкоторыхъ. Чудная грація въ Антологическихъ! Какою свободною мыслию Пушкинъ постигаль духъ древнихъ, не зная ни одного древняго языка! Въ стихотвореніи М*. Русское благородное чувство выразилось въ этѣхъ замѣчательныхъ стихахъ:

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поэтъ онъ ненависть: издадека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходить къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

Сталъ *глуше* звонъ его заздравныхъ чашъ.

На этой же самой страницѣ сбиты двѣ строфы вмѣстѣ.

Въ Лицейскихъ пискахъ еще болѣе опечатокъ, потому что Издатель слишкомъ вѣрно слѣдовали невѣрнымъ спискамъ, въ которыхъ дошли до насъ этѣ стихотворенія. Мы намѣкнемъ на нѣкоторыя ошибки.

Стран. 274 напечатано: Лишь вѣтры съ свистомъ *воютъ*.—Судя по слѣдующей рѣмъ: *леденють*, должно читать: *вють*, а не *воютъ*.

Стран. 301 напечатано: Мав не дастъ покоя Цитерея.

Должно читать: Мнѣ не даетъ покоя Цитерея.

Стран. 330 вмѣсто: *надо мною*, должно читать: *надо мной*.

вмѣсто: Парнасскою *скалой*, д. ч.: П. *скалою*.

На 333 стран. вѣроятно пропущены два мужские стиха: иначе невозможно объяснить четыре стиха женскихъ сряду въ пѣснь, гдѣ стихи разнаго окончанія мѣняются попарно.

Стран. 350: Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ кровавой

И низкой клеветы сокрытый ядъ!

Въ первомъ стихѣ что вибудь да пропущено, должно быть: и мести зракъ кровавой.

Стран. 361. Во 2-й средней строфѣ: слово *желанный* приемуетъ съ словомъ одивоккой; должно читать, вѣроятно: *жестоккой*, вмѣсто *желанный*.

Стран. 363 вмѣсто: на краюшкѣ, должно читать: на краишкѣ.

Стран. 375 Пейте за славу

Славы друзья!

Бриной забавы

Любить не лъзя.

Эта чистая молитва Пушкина исполнилась. — Изъ двухъ ненапечатанныхъ сценъ Бориса Годунова первая народная сцена превосходна; мы не понимаемъ, почему она была пропущена въ изданіи драмы; но что касается до второй, до сцены между Мариной и Рузей, мы думаемъ, что Пушкинъ пропустилъ ее умышленно. Едва ли она нравилась ему самому. Характеръ Рузи обрисованъ слишкомъ новыми чертами служанокъ изъ нашихъ комедій. — Въ подражаніяхъ Данту, Пушкинъ заѣщаль намъ образцы превосходныхъ Русскихъ терцинъ пятистопной и шестистопной длины: удивительно, какъ великій художникъ успѣвалъ во всемъ дать примѣръ и указать путь. Тѣ ошибутся, которые подумаютъ, что этѣ подражанія Данту — вольные изъ него переводы. Совсѣмъ нѣтъ: содержаніе обѣихъ піесъ принадлежитъ все самому Пушкину. Но это подражаніе Данту только по формѣ и по духу его Поэзіи. Первое изъ нихъ, аллегорическаго содержанія, подражаетъ болѣе по формѣ: это пятистопная Русская терцина, совершенно близкая къ Дантовской, съ тою только разницей, что въ ней риѣмы мужескія и женскія перемѣшаны по строгимъ правиламъ Русской про-

Этѣ два стиха мы помнимъ въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ: они, какъ по всему видно, изуродованы. Мы хотя боимся быть слишкомъ смѣлы, но позволимъ себѣ отгадать этѣ стихи Пушкина такимъ образомъ:

Браней забаву
Любить не я.

Пушкинъ могъ въ такомъ возрастѣ сдѣлать ошибку грамматическую, но конечно не нарушилъ бы мѣры стиха.

Стран. 398 напечатано: Покорнымъ плутомъ зрѣть себя.

Ужъ конечно, не зрѣть, а *гнѣтъ* себя, было у Пушкина.

Стран. 401 Въмѣсто: съ главной въ колѣни *преклоненный*, д. читать: *преклоненной*.

На стран. 461 и 462, двѣ строфы изъ Евгенія Онегина сбиты въ одну, безъ раздѣленія.

Вотъ какъ у насъ надобно возстановлять текстъ Поэта, умершаго тому назадъ четыре года! С. III.

содии. Что касается до аллегоріи, въ ней содержащейся, то она къ Данту самому нисколько не относится. — Второе подражаніе гораздо замѣчательнѣе. Оно писано также терціною, однако шестистопною, и потому вышнюю формою отходитъ отъ терціны Дантовской. Но духъ всей этой піесы и пластическіе стихи, доведенные до высшей степени совершенства, до того напоминаютъ духъ и стиль Данта въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ ада, что удивляешься нашему славному мастеру, какъ умѣлъ онъ съ одинаковою легкостію и свободою переноситься въ духъ древней Греческой Поэзіи, восточной, въ Шекспира и въ Данта. Многообъемлющему генію Пушкина все было возможно: Чего онъ не зналъ, то отгадывалъ творческою мыслию. — Картины печенаго ростовщика и этой стеклянной горы, которая

Звезя, растрескалась колючими звездами —

вы не найдете у Данта; но онъ созданы совершенно въ его духъ и стиль, и онъ бы самъ конечно отъ нихъ не отказался. Все это подражаніе можно назвать дополненіемъ къ XVII, XXI и XXII пѣснямъ его Ада. Но тѣ опять ошибутся, которые подумаютъ, что вся Дантова поэма состоитъ изъ подобныхъ картинъ. Она также разнообразна, какъ міръ Божій и міръ человѣческой, какъ міръ добродѣтели и грѣха. Пушкинъ написалъ подражаніе только тѣмъ пѣснямъ, въ которыхъ Дантъ казнить самые низкіе пороки человечества: это Фламандскія картины въ стилѣ Рубенсова страшнаго суда. Жаль, что поэтъ нашъ не нарисовалъ намъ чего нибудь граціознаго или высокаго въ стилѣ Данта: какъ бы ему это было доступно! Его пластическій стихъ имѣетъ много родства со стихомъ славнаго Тосканца — и едва ли въ какомъ нибудь народѣ можно найти формы столь готовыя для передачи красотъ этой Поэзіи, какъ въ стихѣ Рускомъ, такъ какъ выдѣлалъ его Пушкинъ могучимъ рѣзцомъ своимъ.

Осень есть одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній

относящихся къ позднѣйшему періоду. Пушкинъ питаль особенное сочувствіе къ этому времени года и посвятилъ ему нѣсколько піесъ. Это чувство едва ли не Русское: мы любимъ уныніе въ природѣ, равно какъ въ музыкѣ и поэзіи. Тоже самое влеченіе къ осени замѣтно и въ Державинѣ, съ которымъ Пушкинъ представляетъ много сходства въ этомъ стихотвореніи: таже яркая кисть въ описаніяхъ, таже иронія и шутка, таже внезапность переходовъ отъ мыслей къ мысли, таже употребленіе словъ простонародныхъ.

Въ Перуджіи, школѣ младенца Рафаэля, есть знаменитый *Pallazzo del cambio*, и въ немъ зала, расписанная Петромъ Перуджинскимъ и его учениками. Здѣсь пеленки и колыбель живописца Рафаэля: здѣсь въ первый разъ является кисть отрока генія, и между трудами другихъ учениковъ вы стараетесь отгадать то, что принадлежитъ вдохновенному. Съ какимъ чувствомъ смотришь на первые опыты этой кисти, которая была назначена для Мадонны и Преображенія! Съ чувствомъ еще сильнѣйшимъ перечитывали мы Лицейскія стихотворенія Пушкина: это его пеленки, его колыбель, гдѣ развивалось могучее младенчество поэта. Это его школа, изъ которой яснѣетъ намъ все первоначальное его развитіе. Къ этому присоединяются и воспоминанія о нашей собственной юности и всего поколѣнія, намъ современнаго: сколько тутъ стиховъ, которые мы помнили наизусть въ прежнее время! Всѣ мы, хотя воспитанные совершенно иначе, праздновали юность свою подъ вліяніемъ Музы Пушкина.

Читая эти стихотворенія, мы еще разъ подсадовали на издателей. Здѣсь-то, особенно надобно было разставить всѣ піесы въ порядкѣ хронологическомъ, начиная со стиховъ 14-ти лѣтняго Пушкина; слѣдовало найти самые вѣрные списки, призвать на помощь совѣты и память его товарищей, и наконецъ сдѣлать выборъ строже, потому что ходило въ рукописи много стиховъ, которые напрасно приписывались Пушкину. Такія піесы, какъ:

*Красавицъ, которая нюхала табакъ, и особенно къ Наталь, и къ Наташ, едва ли могутъ быть ему приписаны. Можетъ быть, это шалости его же товарищей. Мы не думаемъ, чтобы Пушкинъ, 14-ти лѣтъ написавшій тѣ прекрасные стихи, которые читаемъ на 389 стран., могъ позволить себѣ такія риомы, какъ: *Наталья и сerral, Китайца и Американца, или подобные стихи:**

Свѣтъ-Наташа! гдѣ ты *нынѣ?*
 Что никто тебя не *зритъ?*
 Иль не хочешь часъ *единой*
 Съ другомъ сердца *раздѣлить?*

Видно большое безвкусіе въ этомъ выборѣ, которымъ оскорбляется память нашего мастера-художника.

Этѣ стихотворенія замѣняютъ намъ записки объ юности Пушкина. Здѣсь, въ его пѣсняхъ и сердечныхъ дружескихъ изліяніяхъ, можно видѣть, какъ буйно, шумно и весело она развивалась! Какой свободный разгулъ во всѣхъ ея грѣхахъ и шалостяхъ! Какъ все это естественно и вѣрно! Въ ней нѣтъ ни мрачнаго раздумья, ни преждевременнаго разочарованія, ничего, что могло бы рѣзко противорѣчить ея природѣ.

Пушкинъ въ стихотвореніи: *Городокъ*, знакомитъ насъ съ своими иноземными учителями. Тутъ видимъ мы Гомера, Виргилія, Горація, Тасса, Расина, Мольера, Руссо, Лафонтена, Парни.... Но надъ всѣми беретъ преимущество:

Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый!

Тутъ входятъ и такія имена, которыхъ мы не желали бы встрѣтить между первыми учителями Пушкина. Онъ не пренебрегаетъ и Лагарпомъ, и *тратитъ* надъ нимъ время. Въ первые годы юности своей, онъ былъ подъ явнымъ вліяніемъ Французской поэзіи; даже древнихъ изучалъ черезъ Французскіе переводы. Но какъ умѣлъ въ послѣдствіи освободиться изъ-подъ

этого вліянія: тѣмъ онъ обязанъ былъ ничему иному, кромѣ своего генія.

Въ Лицеѣ занимали его и Русскія сказки, какъ видимъ по отрывку изъ Бовы королевича, написанному размѣромъ Ильи Муромца. Такъ объясняется намъ явленіе Руслана и Людмилы, и зародышъ въ Пушкинѣ — поэта народнаго.

Изъ писателей Русскихъ всѣ лучшіе представители изящнаго національнаго вкуса оходятся вліяніемъ своимъ въ его первоначальныхъ стихотвореніяхъ. Жуковский, Батюшковъ и даже Богдановичъ слышны особенно въ его посланіяхъ, писанныхъ трехъстопными ямбами. Сила Державина, съ его особенною римой, съ частыми усѣченными прилагательными, съ его любимыми выраженіями, блистаетъ въ переводахъ изъ Оссіана, передѣланнаго Бауръ-Лорміаномъ, и особенно въ *Воспоминаніяхъ о Царскомъ Селѣ*. Замѣчательно, что Пушкинъ читалъ эту піесу передъ самимъ Державинымъ, какъ онъ намъ о томъ рассказываетъ. Его «голосъ отроческій зазвенѣлъ и сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ», когда пришлось ему произнести имя Державина. Понятно, почему, готовясь къ такому впечатлѣнію, онъ написалъ все это стихотвореніе подъ вліяніемъ строя лиры Державина. Таже пышная торжественность, и выраженія, напоминающія языкъ его, какъ напр. *склоня въпрамъ слухъ, ширялся крылами*.

Да, весь Парнассъ Русскій, начиная отъ Ломоносова до непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина, участвовалъ въ его образованіи. Онъ есть общій питомецъ всѣхъ славныхъ писателей Русскихъ, и ихъ достойный и полный результатъ въ прекрасныхъ формахъ языка отечественнаго. Сознаніе этихъ отношеній своихъ къ Русскому Парнассу и благодарную память преданія Пушкинъ выразилъ въ стихотвореніи, благородно вѣнчающемъ его могучую юность и свидѣтельствующемъ раннюю зрѣлость его генія: это Посланіе Пушкина къ не-

посредственному его учителю, Жуковскому, начинающееся словами: *Благослови, Поэтъ!* Здѣсь Пушкинъ рассказываетъ, какъ Державинъ, Дмитріевъ и Карамзинъ благословили его призваніе; здѣсь совершаетъ онъ свою литературную исповѣдь передъ возвышенною душою Жуковскаго; здѣсь возводитъ онъ свою поэтическую родословную до Ломоносова, до этого *полупошпаго дива*, отъ котораго по прямой линіи черезъ Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и всѣхъ около нихъ стоящихъ, ведетъ свой родъ все лучшее, свѣтлое племя литературы нашей. Здѣсь же рѣзкими чертами ѣдкой сатиры заклеены два родоначальника другаго противоположнаго племени, которое также не переводится: это Тредьяковскій:

Железное перо скрипитъ въ его рукахъ,
И тянетъ за собой гексаметры сухіе,
Сповдеи жесткіе и дактили тугіе.

и

.... Слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обзанный вѣнцомъ,
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ!

Это Посланіе, произведеніе юноши—Алкида, есть важный документъ въ Исторіи Русской Словесности, указывающій на мѣсто, по праву занимаемое Пушкинымъ среди Русскаго Парнасса.

Когда Пушкинъ, воспитавъ Музу свою на Аріостъ, Парни и сказкахъ Русскихъ, отпраздновалъ пиръ молодаго воображенія Русланомъ и Людмилою, и вышелъ въ міръ современной, существенной жизни, — тогда, нашего разгульнаго, веселаго Русскаго юношу, покидавшаго міръ своихъ прекрасныхъ мечтаній, встрѣтилъ на западъ геній могучій, покорявшій думъ своей поколѣнія современныхъ, геній мрачный, пѣвецъ разочарованія и пресыщенія жизни, провозвѣстникъ отцвѣтанію запада, пропѣвшій ему первую похоронную пѣснь и отдохавшій мечтою на за-

рѣ возрождавшейся свободы Греціи. Въ лицѣ Пушкина и Байрона встрѣтились новая, свѣжая, полная юныхъ силъ и подвиговъ, кипящая мечтами, Россія, и охладѣвшій, разочарованный, уже покидавшій вѣру въ свое грядущее, Западъ.

Извѣстно у насъ, что Байронъ произвелъ сильное вліяніе на Пушкина, но до сихъ поръ не опредѣлена у насъ въ надлежащей мѣрѣ ни степень этого вліянія, ни разность между характерами обоихъ Поэтовъ. Мы здѣсь не вдадимся въ подробное разрѣшеніе этого вопроса, одного изъ важнѣйшихъ въ исторіи Русской Поэзіи, а скажемъ только результатъ нашего мнѣнія, чтобы тѣмъ заключить размышленія наши о Пушкинѣ, какъ Поэтѣ.

Байронъ и Пушкинъ являются намъ совершенно противоположными по существу ихъ характера. Байронъ — поэтъ чисто лирическій, поэтъ субъективный, уединяющійся въ глубину своего духа и тамъ создающій міръ по своему: Пушкинъ — совершенно противное; мы вовсе не согласны съ тѣми, которые признавали его преимущественно лирикомъ; это поэтъ чисто объективный, предметный, который весь увлеченъ міромъ внѣшнимъ и до самоотверженія способенъ переселяться въ его явленія: это поэтъ для эпоса и драмы. Такая противоположность между существомъ обоихъ поэтовъ была причиною того, что вліяніе Байрона скорѣе вредно было, нежели полезно Пушкину. Оно только нарушало цѣльность и самобытность его поэтическаго развитія. *Кавказскій Пльнникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыганы* наиболѣе пострадали отъ этого вліянія. Что видите вы въ этѣхъ произведеніяхъ? Два элемента, которые между собою враждуютъ и сойтись не могутъ. Элементъ Байрона является въ этѣхъ призракахъ идеальныхъ лицъ, лишенныхъ существенной жизни; элементъ же самаго Пушкина въ живомъ ландшафтѣ Кавказа, въ жизни Горцевъ, въ роскоши восточнаго гарема, въ картинахъ степей Бессарабскихъ

и кочеваго Цыганскаго быта. Самое сильнѣйшее вліяніе Байрона на Пушкина было въ то время, когда онъ писалъ Бахчисарайскій фонтанъ: въ этомъ онъ самъ сознается (т. XI, стран. 227), а эта поэма есть конечно самое слабое произведеніе Пушкина. Замѣчательно также, что онъ называлъ *Кавказскаго Пльнника* первымъ неудачнымъ опытомъ характера, съ которымъ насилу сладилъ: да, это была тѣнь героевъ Байрона.

Въ *Евгеніи Онѣгинѣ* только одна внѣшняя форма и нѣкоторыя замашки указываютъ на то же вліяніе. Вся глубь картины занята непрерывно смѣняющимся калейдоскопомъ всего внѣшняго быта Россіи, всей жизни Русскаго народа, взятой наружною ея стороною: это подробный дневникъ самаго поэта, веденный имъ въ двухъ столицахъ и внутри Россіи. Самъ Евгений Онѣгинъ выше всѣхъ героевъ, которые внушены были Пушкину Музою Байрона, потому что въ Онѣгинѣ есть истина, вынутая изъ Русской жизни. Это типъ западнаго вліянія на всѣхъ нашихъ свѣтскихъ людяхъ, типъ ходячій, встрѣчаемый всюду: это наша Русская апатія, привитая къ намъ отъ безцѣльнаго знакомства съ разочарованіемъ западнымъ.

Созданіе Тани принадлежитъ къ лучшимъ идеаламъ Пушкина, какіе вынесъ онъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній своей страстной юности.

Полтава была переходомъ отъ вліянія Байронова къ самобытности: произведеніе много потерпѣло отъ этой причины. Главная ошибка въ немъ есть ошибка противъ формы: сюжетъ просился въ широкую драму, а поэтъ сковалъ его въ тиски такъ называемой гражданской поэмы.

Въ Борисѣ Годуновѣ Пушкинъ явился Пушкинымъ. Здѣсь, равно какъ и въ другихъ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, вліяніе Байрона миновало совершенно — и началось скорѣе вліяніе Шекспира, вліяніе менѣе опасное

потому что Шекспиръ духомъ своимъ болѣе согласовался съ духомъ нашего Пушкина, и потому еще, что вліяніе такого поэта, который не заключаетъ себя въ эгоизмъ своего внутренняго духа, а свободно властвуетъ надъ человѣкомъ и природою, воспріемля ихъ въ свою всеобъемлющую мысль, вліяніе такого поэта, какъ Шекспиръ, не можетъ быть нисколько вредно ни чьей природѣ, ибо не стѣсняетъ ея свободы. До конца жизни Пушкинъ оставался вѣренъ этому учителю, который открывалъ для его поприща великое грядущее.

И такъ Байронъ, по нашему мнѣнію, составляетъ весьма вредный эпизодъ въ свободномъ и полномъ развитіи Пушкина. Разность и того и другаго еще болѣе очевидна въ прозѣ нашего поэта, къ разбору которой мы теперь переходимъ.

Въ X томѣ напечатаны: *Аранъ Петра Великаго*, начало неконченнаго романа, *Лѣтопись села Горохина*, *Дубровский*, *Египетскія ночи*, *сцены изъ Рыцарскихъ временъ*.

Первоначальнымъ назначеніемъ Пушкина былъ міръ чистой поэзіи, хотя созданный изъ яркихъ и роскошныхъ красокъ существеннаго міра, но надъ нимъ возвышенный, идеальный. Этотъ міръ выражался у поэта приличною ему формою — стихомъ, въ которомъ образы природы, просвѣтлѣнные воображеніемъ поэта, и звуки Русскаго языка, гармонически слаженные въ его слухъ, сливались въ одно. Позднѣе, требованія современнаго ему вѣка вызвали его изъ идеальнаго міра Поэзіи, звучавшаго ему стихами, въ міръ дѣйствительной жизни, въ міръ прозы обыкновенной. Великіе примѣры В. Скотта и другихъ современныхъ талантовъ были передъ нимъ. Къ тому же и собственные опыты жизни, занятія исторіею, наблюденія надъ внутреннимъ бытомъ Россіи, могли обратить его на это новое поле, поле не цвѣтущее, но обильное сытною жатвою, существенной, нагой истины. Пушкинъ донесъ намъ объ этомъ новомъ своемъ направленіи въ

достопамятныхъ стихахъ, которыми заключаль 6-ую пѣсню своего Онѣгина:

Лѣта къ холодной прозѣ клонятъ,
Лѣта шалуныю риему говятъ.

По природному эстетическому чувству, онъ долженъ былъ отгадать, что новый мѣръ существенности, обнажившій передъ нимъ себя, требовалъ отъ него и новой формы, которая бы ему совершенно соотвѣтствовала. Онъ овладѣлъ Русскою прозою — и далъ ей новый оттѣнокъ. Никто изъ писателей Россіи и даже запада, равно употреблявшихъ стихи и прозу, не умѣлъ полагать такой рѣзкой и строгой грани между этими двумя формами рѣчи, какъ Пушкинъ. Сколько стихъ его всегда возвышенъ надъ обыкновенною рѣчью, всегда изященъ звукомъ, образомъ, выраженіемъ, оборотомъ, эпитетомъ, всегда отмѣченъ, употребимъ его же сравненіе, какъ червонецъ, чеканомъ свѣтлымъ и звонкимъ, — столько же проза его проста, сильна, истинна и чужда, какъ жизнь ея изображаемая, всякаго пенужнаго ей украшения. Потому-то проза Пушкина не есть какой-то междоумекъ между стихами и прозою, который извѣстенъ подъ именемъ прозы поэтической, или правильнѣе прозы риторической, который заимствуется отъ стиховъ метафорами и сравненіями, и блещетъ на произведеніяхъ современной намъ литературы, много свидѣтельствуя объ упадкѣ общаго вкуса. У насъ Марлинскій былъ главнымъ представителемъ этого рода прозы, котораго не любилъ Пушкинъ: «никогда не пожертвую краткостію и точностію выраженія провинціальной чопорности», — сказалъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Потому-то проза Пушкина есть проза по преимуществу. Создать ее въ чистотѣ, т. е. освободить отъ примѣси ей чуждыхъ поэтическихъ украшеній, могъ только тотъ, кто былъ вполнѣ царемъ Русскаго стиха и располагалъ его богатствами по волѣ своей, и кто, какъ истинный художникъ, одаренъ былъ тѣмъ мѣткимъ

чутьемъ вкуса, которое знаетъ мѣру и весь cadaго въ языкѣ выраженія.

Туже рѣзкую противоположность умѣлъ наблюдать Пушкинъ и въ содержаніи своихъ произведеній, какую наблюдалъ въ ихъ формѣ. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ нѣтъ ничего такого, что бы противорѣчило нагой, прозаической истинѣ дѣйствительнаго міра: все въ нихъ вынута изъ жизни исторической или современной, и вынута вѣрно, мѣтко и цельно. Но художникъ, обнимавшій думою своей изящное, долженъ былъ чувствовать, что нагая истина этого міра дѣйствительнаго противорѣчить сама въ себѣ назначенію искусства, что копировать ее вѣрно и близко, значить нарушать призваніе художника. Вотъ почему Пушкинъ не сочувствовалъ нисколько современнымъ разскащикамъ Франціи, которые съ чувствомъ какой-то апатіи копируютъ жизнь дѣйствительную даже во всей безобразной наготѣ ея. Карикатурить эту жизнь и смѣшить ею, Пушкинъ не хотѣлъ, потому что не сознавалъ въ себѣ призванія къ комедіи, потому что въ характерѣ его было смотреть на жизнь съ думою важною и строгою, потому что истина этой жизни, особливо въ его отечествѣ, была для него значительна. Клеймить ее печатью грозной сатиры, выливать свое негодованіе отдѣльными тирадами, [также было не въ характерѣ Пушкина, который не хотѣлъ быть моралистомъ отдѣльно отъ художника, ибо зналъ высокое нравственное призваніе своего искусства и вѣдалъ для морали другія сильнѣйшія средства. Иного способа не оставалось ему, — работая надъ грубымъ матеріаломъ жизни дѣйствительной, надъ міромъ прозы, спасать искусство, какъ въ истинѣ существенной, не привлекательной собою, воплощать истину нравственную, всегда неизмѣнную, и придавать такимъ образомъ первой высокое значеніе, достойное художника. Здѣсь-то особенно Пушкинъ доказалъ, какъ понимаетъ онъ искусство и какъ глубоко разумѣетъ онъ ту важную роль, какую нравственное

играетъ въ мірѣ изящнаго. Это постигъ онъ и самъ, собою, и по вѣрнымъ урокамъ своего послѣдняго и лучшаго учителя, Шекспира.

Въ самыхъ значительныхъ повѣствованіяхъ Пушкина, даже въ историческихъ, найдется совершенное оправданіе нашему общему замѣчанію. Всегда, на первомъ планѣ, выступаетъ передъ вами простое событіе, взятое изъ жизни, истина вѣрная, дѣйствительная, нагая, случайная, живая и яркая; но изъ за нея, безмолвно, невысказанно и какъ будто неумышленно, выходитъ истина всеобщая, неизмѣнная, всегда пребывающая въ основѣ жизни человѣческой и общественной, истина, которая снимаетъ съ дѣйствительнаго событія всю пустую ничтожность его случайности и, придавая ему значеніе постоянное и высокое, тѣмъ возводитъ его въ міръ искусства и спасаетъ призваніе художника. Пушкинъ, какъ изобразитель жизни дѣйствительной, есть также сатирикъ, но сатирикъ (если можно такъ выразиться) объективный, который уходитъ за свою сатиру и самъ своею мыслию воплощается въ событіи, но такъ, что передъ вами раскрываетъ самое зерно его глубокаго значенія въ жизни.

Все сказанное нами всего болѣе повѣряется на одномъ изъ самыхъ лучшихъ прозаическихъ повѣствованій Пушкина, которое мы прочли въ X томѣ, на *Дубровскомъ*.

Два помѣщика жили по сосѣдству въ своихъ помѣстьяхъ: одинъ богатый, знатный, старинный Русской баринъ, Троекуровъ; другой, бѣдный, но честный и благородный поручикъ гвардіи въ отставкѣ, Дубровскій. Они жили дружно; но вдругъ поссорились. Распря росла; самолюбіе разыгралось — и дѣло кончилось тѣмъ, что помѣщикъ Троекуровъ, сильный деньгами и знатностью, купленнымъ приговоромъ суда, отнялъ у Дубровскаго его родовыхъ 70 душъ. Сынъ ограбленнаго бѣдняка, молодой Дубровскій, былъ свидѣтелемъ сумасшествію отца и его ужасной смерти; судъ беззаконно ограбилъ его, и онъ долженъ былъ выйти нищимъ изъ наслѣдія отцовъ сво-

ихъ. Въ порывѣ отчаянія онъ зажегъ тотъ домъ, гдѣ жили его предки и откуда изгнало его насиліе, и человѣкъ благородный, съ чувствомъ чести и правды, сдѣлался атаманомъ разбойниковъ: все село пристало къ своему барину. Одна любовь Дубровскаго къ дочери Троекурова охранила сего послѣдняго отъ его ужасной мести.

Всѣ эти событія переданы такъ живо и такъ истинно, что вы, читая, не можете оторваться отъ этой яркой, разительной дѣйствительности.

Но изъ-за этого разсказа сама собою выступаетъ истина нравственная, придающая глубокое значеніе всей картинѣ. Этотъ разбойникъ Дубровскій, зачавшійся въ человѣкѣ честномъ и благородномъ, есть плодъ разбойничества общественнаго, прикрытаго закономъ. Всякое нарушеніе правды подъ видомъ суда, всякое насиліе власти призванной къ устроенію порядка, всякое грабительство общественное, посмѣвающееся истинѣ,—порождаютъ разбой личный, которымъ гражданинъ обиженный мститъ за неправды всего тѣла общественнаго. Вотъ та глубоко-нравственная идея, которая, хотя не высказана отдѣльно, но сама собою яснѣетъ изъ повѣсти Пушкина и придаетъ ей великую значительность.

Летопись села Горохина есть самая ѣдкая сатира на внутреннюю пустоту нашей сельской жизни, на эту жалкую дѣйствительность безъ памятниковъ и безъ прошедшаго.

Египетскія ночи—произведеніе къ сожалѣнію не законченное, но идея его уже довольно обнаружилась. Это значительная сатирическая картина тѣхъ отношеній, въ которыхъ у насъ поэтъ находится къ обществу. Чарскій имѣетъ призваніе къ священному искусству: но никакъ не хочетъ признаться передъ свѣтомъ въ томъ, что онъ его имѣетъ, и досадуетъ на тѣхъ, которые обходятся съ нимъ иначе, нежели какъ съ обыкновеннымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Ему противно видѣть этѣ притязанія общества на поэта, какъ на какую-то свою собственность; ему досадно, когда слѣдятъ и подглядываютъ его

вдохновенія, когда застаютъ его съ перомъ въ рукѣ, когда выспрашиваютъ у него о тайнахъ его Музы, которую онъ ревниво укрываетъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Таковъ Чарскій, таковъ поэтъ среди народа, у котораго искусство еще новостъ и поэтъ какое-то чудо. — Яркая противоположность Чарскому, какъ будто стыдящемуся своего званія, изображена въ Итальянскомъ импровизаторѣ, который публично объявляетъ себя поэтомъ, не только не стыдится этого званія, но обращаетъ его въ денежное ремесло. Какъ глубоко схвачена обидчивость Чарскаго, когда Итальянецъ назвалъ его поэтомъ, и благородное чувство того же Чарскаго, когда онъ въ незнакомцѣ узналъ импровизатора, и еще болѣе, когда услышалъ его вдохновенные стихи! Чарскій и импровизаторъ—это Россія и Италія, двѣ страны, изъ которыхъ въ первой искусство еще не пришлось къ потребностямъ общества и, западая въ чью либо душу, не знаетъ какъ существовать среди предрасудковъ свѣта,—тогда какъ во второй оно уже собственность всенародная, ремесло публичное, объявляемое передъ всѣми, и дающее деньги.

Въ Чарскомъ, Пушкинъ едва ли не представилъ собственныхъ своихъ отношеній къ свѣту: онъ не любилъ, когда въ гостинной обращеніемъ напоминали ему о высокомъ его званіи, и предпочиталъ обыкновенное обхожденіе свѣтское. — Въ своей прозѣ онъ перѣдко говоритъ объ томъ должномъ положеніи, въ которомъ Словесность у насъ находится къ обществу.

Жаль, что *Арапъ Петра Великаго* остался недоконченнымъ. Видно, что Пушкинъ изучалъ много вѣкъ Петра и готовилъ матеріалы для того, чтобы со временемъ начертать большую и полную картину. И въ томъ немногомъ, что написалъ онъ, сколько отгадано подробностей!

Сцены изъ временъ рыцарскихъ показываютъ, что всѣ времена и народы могли быть доступны для его кисти.

Томъ XI, содержащій въ себѣ Смѣсь, представляетъ намъ множество отдѣльныхъ мыслей и разсказовъ Пушкина, которые необходимы для полной его біографіи и характеристики. Здѣсь мы обратимъ вниманіе на то, что намъ кажется особенно замѣчательно.

Его мысли о Москвѣ, о Русской избѣ и о бытѣ Русскаго крестьянина въ сравненіи съ иностраннымъ, о дорогахъ въ Россіи, о старинныхъ Русскихъ странностяхъ, многіе анекдоты показываютъ, какъ онъ глубоко изучалъ жизнь своего отечества. При этомъ не лзя не пожалѣть, что Пушкинъ не путешествовалъ: много любопытнаго и полезнаго онъ сказалъ бы тогда объ Россіи.

Лестно для насъ мнѣніе Пушкина о Московской Литературѣ и ея направленіи. Онъ всегда питалъ къ ней особенное благородное сочувствіе. Москвитянинъ съ удовольствіемъ можетъ вспомнить, что Пушкинъ принималъ въ 1828 и 1829 годахъ совершенно безмездное участіе въ изданіи предшественника его. Московскаго Вѣстника, изъ одного уваженія къ духу и направленію журнала.

Должно замѣтить, что статья о Ломоносовѣ не заключаетъ въ себѣ полнаго сужденія Пушкина объ этомъ писателѣ. Мы помнимъ, съ какимъ благоговѣніемъ Пушкинъ говорилъ объ немъ, какъ о создателѣ языка: онъ даже не позволялъ въ присутствіи своемъ сказать что нибудь противное памяти великаго нашего мастера. Взгляните, какъ величаетъ онъ Ломоносова въ своемъ посланіи къ Жуковскому. Замѣчательно, какъ выставилъ Пушкинъ независимое благородство его, основанное на сознаніи своего достоинства, и щекотливость его въ этомъ отношеніи. — Выпишемъ слѣдующія за тѣмъ строки — урокъ современной Словесности:

«Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою челоуѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалеб-

нымъ объявленіемъ заманить покупателейъ. Нынѣ послѣдній изъ писаекъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ кабинетѣ.»

Пушкинъ ненавидѣлъ новую школу Литературы Французской; драму Гюго: Кромвель, называетъ онъ скучною и чудовищною (стр. 66), романъ Алфреда де Виньи Сен-Марсъ, облизаннымъ (стр. 71). Какъ онъ негодуетъ на нихъ за искаженіе характера Мильтона! *

Критика на Рославлева есть новый прекрасный способъ осудить невѣрность характера изображеніемъ ему противоположнаго.

Разсказъ Пушкина о томъ, какъ онъ въ Лицеѣ читалъ стихи передъ Державинимъ — драгоценная страница для Исторіи Русской Словесности. Сюда же отнесемъ многія мѣста его записокъ: извѣстія о выходѣ въ свѣтъ Исторіи Карамзина и впечатлѣнія, какое произвела она; свѣдѣнія о сочиненіяхъ самаго Пушкина по мѣрѣ ихъ появленія. Пушкинъ зналъ, что Полтава и Борисъ Годуновъ, лучшія его произведенія въ стихахъ, не имѣли успѣха: онъ самъ объясняетъ причины, по которымъ юныя произведенія поэта болѣе нравятся публикѣ, чѣмъ зрѣлыя; хотя онъ примѣняетъ слова свои къ Баратынскому, но явно, что они могутъ быть примѣнены и къ нему самому:

«Первыя юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почестъ самое сіе совершенствованіе, зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-тилѣт-

* Въ этой статьѣ не лзя не замѣтить въ Италіянскихъ словахъ грубой ошибки издателей, которые вмѣсто *battersi la guancia*, напечатали *batarsi la quancia*.

няго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ, и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т. е. на обумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. — Въ этѣхъ глубокосмысленныхъ словахъ заключается разгадка послѣднихъ неудачъ самаго Пушкина.

Въ другомъ мѣстѣ (243 стран.) онъ излагаетъ причины, почему драма не могла образоваться въ Россіи. Замѣчательно, что въ этѣхъ причинахъ онъ много сходится съ Горациемъ, который о томъ же говорилъ въ посланіи къ Августу: положеніе Россіи и Рима въ отношеніи къ драмѣ имѣетъ въ себѣ много сходнаго. — Въ этѣхъ замѣчаніяхъ Пушкина, разгадка тому, почему онъ самъ не образовался драматикомъ, имѣя все къ тому призваніе.

Въ замѣткахъ Пушкина объ языкъ мы видимъ, какъ онъ глубоко изучалъ его — въ самомъ источникѣ, въ языкѣ народномъ. Въ своихъ оправданіяхъ передъ кри-

тиками, неизучавшими филологіи, онъ ссылагся на древнія Русскія пѣсни, какъ на документъ: такъ ссылакою на Киру Данилова защитилъ онъ свой прекрасный стихъ:

Е
Людская моль и конкій топъ,

несправедливо осмѣянный въ Вѣстникѣ Европы. Пушкинъ не пренебрегалъ ни однимъ словомъ Русскимъ и умѣлъ часто, взявши самое простонародное слово изъ устъ черни, оправлять его такъ въ стихъ своемъ, что оно теряло свою грубость. Въ этомъ отношеніи онъ сходствуетъ съ Дантомъ, Шекспиромъ, съ нашими Ломоносовымъ и Державинымъ. Прочтите этѣ стихи въ Мѣдномъ Всадникѣ:

.....Нева всю ночь
Рвалася къ морю протиць бури,
Не одолевъ ихъ *буйной дурь*....
И спорить стало ей *не въ мочь*....

Здѣсь слова: *буйная дурь* и *не въ мочь* вынуты изъ устъ черни; у Ломоносова есть примѣры того же:

Гдѣ нынѣ *похвальба* твои?

Или:

Никакъ смиритель стѣвъ Казанскихъ?

Державинъ еще болѣе этѣмъ изобилуетъ. Пушкинъ, въ слѣдъ за старшими мастерами; указалъ намъ на простонародный языкъ, какъ на богатую сокровищницу, требующую изслѣдованій. Выишемъ драгоценныя слова его (стран. 214):

«Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій».

Заслуживаютъ особенное вниманіе отношенія Пушкина къ его критикамъ: онъ не презиралъ критики, какъ сознаетъ самъ; онъ счелъ за нужное даже оправдаться передъ читателями въ томъ, въ чемъ его понапрасну обвиняли. Пре-

зирали Пушкины одни только ругательства, и, по примѣру Карамзина, премудро завѣщали всякому писателю, сознающему въ себѣ какое нибудь чувство достоинства: на всѣ придирки и нахальные ругательства завистливой посредственности, полагающей единственную опору своей славы въ томъ, что она передъ чернью окричить все, что ея выше, — отвѣчать однимъ молчаливымъ презрѣніемъ.

★

Въ этомъ разборѣ послѣднихъ трехъ томовъ Сочиненій Пушкина мы набросали только нѣкоторыя черты, имѣющія, по нашему мнѣнію, войти въ полную его характеристику. У насъ и не было въ виду начертать сію послѣднюю, потому что мы хотѣли ограничиться только тѣми произведеніями, которыя теперь вышли и должны необходимо обратить на себя вниманіе публики, если она не забыла любимаго своего Поэта. Полную же характеристику Пушкина мы охотно вмѣняемъ себѣ въ одну изъ самыхъ значительныхъ и самыхъ пріятнѣйшихъ обязанностей нашихъ. Теперь же мы заключимъ всѣ наши отрывочныя замѣчанія, сдѣланныя по случаю, одною изъ главныхъ мыслей, въ которой заключается точка нашего зрѣнія на Поэта.

Пушкинъ, во всемъ томъ, что отъ него осталось и въ совокупномъ своемъ развитіи, представляетъ намъ много поразительнаго сходства съ его народомъ и страной: такъ и должно быть, ибо геній въ словесности всегда бываетъ зеркаломъ жизни своего отечества. Тотъ же геніальный умъ, кипящій чудными, внезапными мыслями, но не имѣющій всѣхъ необходимыхъ условій образованія для того, чтобы ихъ исполнить. Тотъ же неудержный, стремительный духъ, тоже порывистое, своенравное развитіе; тѣже мгновенныя вдохновенія, безъ твердаго хода и постоянства. Таже прелесть въ отдѣлкѣ наружныхъ формъ, какими блещутъ обѣ наши столицы. достойныя соперницы всѣхъ

Европейскихъ, и тотъ же недостатокъ внутренняго развитія. Въ отношеніи къ содержанію произведеній, таже противорѣчащая смѣсь: міръ идеаловъ, міръ прекрасныхъ мыслей, сильныхъ зародышей, міръ великихъ надеждъ на грядущее,—и міръ еще праздною, тяжелой, грубой дѣйствительности, до которой не достигла мысль свѣше дѣйствующая. Въ отношеніи къ совокупности цѣлаго этѣхъ произведеній: тѣ же чудныя массы, готовыя колонны, или стоящія на мѣстѣ, или ждущія руки воздвигающей, доконченные архитравы, выдѣланныя рѣзцомъ украшенія и при этомъ богатый запасъ готоваго дивнаго матеріала.... Да, да, вся поэзія Пушкина, какъ современная ему Россія, представляетъ чудный, богатый эскизъ недовершеннаго зданія, которое народу Русскому и многимъ вѣкамъ его жизни предназначено долго, еще долго строить — и кто же изъ насъ съ чувствомъ надежды не прибавить? — и славно докончить.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ V.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.